

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.25>

Кузьменков Владимир Александрович

Аномия и гедонизм: поиск взаимосвязи

В статье проводится связь между аномией и гедонизмом. Аномия формирует духовную зависимость человека от разных негативных явлений, что приводит к саморазрушительному поведению. Оно выражается в культе чувственных удовольствий и коротких жизненных циклах, а потому своеобразно компенсирует и замещает недостаток ценностной интеграции индивида. Обращение к эмпирическим исследованиям смертности населения и коррупции позволило описать гедонистический характер аномии. Аномия, в соответствии с идеей И. Бёрлина, представляет собой негативную свободу, которая приводит к социальной атомизации и распадению коллективных связей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/25.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 142-145. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 123.1+316.758

Дата поступления рукописи: 05.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.25>

В статье проводится связь между аномией и гедонизмом. Аномия формирует духовную зависимость человека от разных негативных явлений, что приводит к саморазрушительному поведению. Оно выражается в культе чувственных удовольствий и коротких жизненных циклах, а потому своеобразно компенсирует и замещает недостаток ценностной интеграции индивида. Обращение к эмпирическим исследованиям смертности населения и коррупции позволило описать гедонистический характер аномии. Аномия, в соответствии с идеей И. Бёрлина, представляет собой негативную свободу, которая приводит к социальной атомизации и распаденю коллективных связей.

Ключевые слова и фразы: аномия; гедонизм; духовная свобода; зависимость; коррупция; негативная и позитивная свобода; общество потребления.

Кузьменков Владимир Александрович, к. филос. н.

Орловский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова

vakuzmenkov@gmail.com

Аномия и гедонизм: поиск взаимосвязи

В современном мире наблюдаются кризис ценностей, рост бездуховности и цинизма, массовое недоверие людей друг к другу, падение значимости человеческой жизни. Эти ощущения подкрепляются статистическими данными. В 2015 году около четверти миллиарда человек употребляли наркотики. Из них около 29,5 млн человек (или 0,6% всего взрослого населения мира) страдали от расстройств, связанных с употреблением наркотиков, включая зависимость. Каждый год население России уменьшается на 70 тысяч человек, умирающих от наркотиков [12]. В мире совершается одно самоубийство в сорок секунд (около 800 тысяч в год) [7]. Эти печальные цифры говорят о потере основных жизненных ценностей. В социально-гуманитарных науках это явление часто называют аномией (древнегр. *anomos* – безнормие, беззаконие).

Это социальная ситуация, включающая широкий ряд негативных явлений: беззаконие, несправедливость, несоблюдение социальных норм, отсутствие чётко установленных моральных ориентиров, недоверие, нигилизм, одиночество, потеря смысла жизни. Аномия – это расплывчатость и противоречивость ценностей, возможность для человека игнорировать культурно заданные цели в своём поведении. Она сопровождается резким ростом преступности, самоубийств, наркотизации и алкоголизации населения. Аномия приводит к падению ценности труда, взаимному недоверию, ослаблению социальной интеграции и росту коррупции. Растут лицемерие и обман, распространяются лженаучные знания и суеверия.

Обратим внимание на то, что некоторые из этих феноменов имеют характер гедонистической зависимости, в результате которой человек привыкает жить за счёт нечестно нажитых материальных средств, верит в астрологию, «заглушает» стресс и т.д. Всё это может быть названо духовной несвободой человека, его рабством у каких-то внешних сил. Оно, в свою очередь, происходит от недостатка внутреннего достоинства, наполненности ценностями. При этом в научной литературе аномия практически не рассматривается как духовная зависимость, что обуславливает **актуальность** изучения данного вопроса.

Объектом исследования выступает аномия, **предметом** – духовная несвобода как составляющая аномии. **Цель работы** – раскрытие сущностных особенностей духовной несвободы как компонента аномии. **Научная новизна** состоит в описании аномии как духовной зависимости. **Практическая значимость** состоит в использовании результатов данной статьи для дальнейших исследований аномии. Исследование выполнено при помощи сравнительно-исторического и ценностного **методов**, а также обращения к эмпирическим данным.

Связь аномии с гедонизмом может показаться надуманной, но её реально обосновать, используя эмпирические данные. На базе типологии общечеловеческих ценностей израильского социолога Ш. Шварца [11] проведены исследования, которые установили тесную связь ценностей с разными формами поведения людей, например преступлениями или гибелью от несчастных случаев.

Так, в России уровень смертности людей в возрасте 15-29 лет в 1,5-1,7 раза выше по сравнению со странами Восточной Европы и в четыре раза выше, чем в Западной Европе. Для молодых мужчин смертность объясняется внешними причинами в 60-80% случаев, для молодых женщин – в 40-60% случаев. Внешние причины смерти – прежде всего, дорожный травматизм и самоповреждения (1672 – на 1 млн мужчин и 391 – на 1 млн женщин) – оказываются результатом рискованного поведения молодёжи. Оно, в свою очередь, во многом объясняется доминирующими культурными ценностями. European Social Survey показал, что в странах с высокой смертностью молодёжи главными ценностями для людей 15-29 лет оказываются ценности самоутверждения и сохранения. Первый комплекс включает ценности власти (социальный статус, доминирование над людьми и пр.) и достижения (успех, амбиции). Второй комплекс предполагает идеалы безопасности, конформности (социальное подчинение, ограничение потенциально опасных действий и побуждений) и традиции (преданность культурным обычаям). Напротив, в странах, где в молодёжной среде преобладает забота о людях и природе, смертность в этой возрастной группе ниже. Забота о людях и природе

подразумевает универсализм (понимание, терпимость к людям) и доброту (помощь окружающим и забота о них). Кроме того, существует сильная связь между причинами смерти и ценностями. Например, можно измерить соотношение между смертностью в результате ДТП и важностью ценности «безопасность». Высокие значения этой ценности означают, что молодые люди полагаются на защиту со стороны государства. Однако оно в принципе не может обеспечить соблюдение всех правил дорожного движения, поэтому возникновение дорожно-транспортных происшествий зависит от ответственности водителей, а именно от ценностей универсализма и доброты. Их наличие или отсутствие определяет смертность на дорогах [10].

Таким образом, аномичные явления, к числу которых относится нарушение правил дорожного движения, связаны с деформацией ценностей. Согласно социологу Р. Мертону, культура предписывает человеку определённые цели, однако объективное социальное неравенство ограничивает возможности достижения этих целей. Поэтому некоторые люди выбирают незаконные и аморальные пути достижения успеха. Как пишет сам учёный, «именно когда система культурных ценностей превозносит до небес, ставит буквально выше всего некоторые общие цели успеха и навязывает их всему населению в целом, в то время как социальная структура жёстко ограничивает или полностью перекрывает для значительной части того же самого населения доступ к одобряемым способам достижения этих целей, – именно тогда принимает широкие масштабы девиантное поведение» [6, с. 263-264].

Р. Мертон иллюстрирует это ярким примером. В США есть культ материального богатства, но достичь успеха могут немногие. Большинству не хватает знаний, терпения, трудолюбия, удачи и пр. Тогда это большинство делится на тех, кто избирает незаконные методы достижения успеха, и на тех, кто отвергает культ богатства и самоизолируется от общественной жизни. Поэтому в обществе всегда есть аномия, проблема – в её масштабах.

Ярким примером культа богатства выступает коррупция. Её природа исследована в бесчисленных публикациях по всему миру, что наглядно свидетельствует о полной неуничтожимости данного явления. Она лишь частично происходит из недостатков законодательной и правоприменительной практики, на деле оказываясь связанной с моральными патологиями общества.

Коррупция отражает социокультурные отношения, сложившиеся в обществе, и они играют большую роль в распространённости и деструктивности незаконных сделок. В те периоды, когда механизмы социального и культурного контроля ослаблены, проблема коррупции обостряется. Коррупционные сделки приобретают наибольшее распространение в основном в переломные эпохи, когда разрушены или ослаблены взаимосвязи между личной и официальной сферами, частными и общими интересами, когда старая система ценностей уже не актуальна, а новая ещё не утвердилась. Всё это справедливо по отношению и к внешним, правовым механизмам социального контроля, и к внутренним, моральным регуляторам поведения [4, с. 250]. Человек признаёт необходимость коррупции для существования общества и использует её как способ приспособления к условиям окружающей среды.

При широком распространении аномии в обществе нередко сам человек становится коррумпированным, т.е. морально развращённым. Он осуждает коррупцию не потому, что она представляет собой общественную патологию, а потому, что не имеет достаточно ресурсов для задействования всех коррупционных механизмов в свою пользу. В этом смысле коррупция представляет собой сделку с собственной совестью, т.е. нарушение абсолютных этических запретов под влиянием актуальных соблазнов и страхов. Коррупционная сделка – это явный или неявный сговор о нарушении принятой нормы установленного порядка. Она всегда базируется на краткосрочных и частных интересах участников, при этом она всегда нарушает общепринятые нормы и чужие интересы.

Одной из причин коррупции может быть дефицит ресурсов, что ярко проявилось в советское время и в немалой степени сохранилось по сей день. Путёвка в санаторий, качественное медицинское лечение, справка из социальной службы и прочие вещи, которые являются важной частью жизни российского человека, зачастую добываются именно коррупционным путём. Отношения дефицита способны сделать юридически неverifiedируемым само понятие «злоупотребления служебным положением». Дело в том, что распределение дефицита на совершенно законных основаниях является монополией власти. Независимый контроль за ней отсутствует, отчего и нельзя очертить границы законного и незаконного. Поэтому необходимо вступать в нелегальные отношения, основанные на круговой поруке тех, кто получает от них выгоду. Пример такого рода отношений представлен в повести советского писателя В. Войновича «Иванькиада».

Коррупционные отношения тормозят развитие общества и выступают фактором архаизации сознания человека и, как следствие, общественных отношений в целом. Очень яркое описание морального кодекса представителя архаической и одновременно коррупционной культуры дал американский учёный Э. Банфилд, изучавший культуру городка Киарамонте на юге Италии [8]. Эту культуру он назвал «аморальной семейственностью (фамилизмом)». Следует отметить, что культура этого сообщества архаична именно потому, что находится «внутри» рационально-легальной правовой культуры всей страны. «Аморальная семейственность» представляет собой комплекс установок, имеющий общий знаменатель – выгоду для себя и своей семьи. Как недавно выяснили итальянские социологи Р. Фоски и М. Лариола, она распространена не только на юге Италии, но и во всех иных регионах страны [9]. Само наличие «аморальной семейственности» говорит о распространении аномических практик и постепенном замещении ими «официальной» культуры, гражданской ответственности и общественного блага. Это также свидетельствует о том, что сама по себе ориентация на семью не является положительной самой по себе, но может приводить к коррупции и иным формам преступности, разрушению гражданского согласия и т.д. Чрезмерное поощрение семейных привязанностей

противоположно коммунарным ценностям. Этот вывод может быть подтверждён исследованиями, проведёнными на базе Всемирного ценностного опроса Р. Инглхарта и статистики Мирового банка: культуры и страны, в которых наиболее ярко выражена ценность большой семьи, оказываются наиболее коррумпированными [5, с. 159-160]. К ним относятся, в первую очередь, азиатские государства, а скандинавские общества, хотя и отличаются чрезвычайным эгалитаризмом, наименее коррумпированы.

Здесь нельзя не вспомнить немецкого учёного М. Вебера, который связывал модернизацию общества в целом и преодоление коррупции в частности с установлением протестантской этики и рационально-легального типа политического господства [3, с. 197]. Избавление от коррупции во многом построено на заповеди Христа, требующей в первую очередь соблюдения нравственных принципов: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10:34-38).

Коррупция, смертность в дорожно-транспортных происшествиях, алкоголизация и наркотизация населения и прочее – это всё феномены духовной несвободы, зависимости человека от внешних явлений, как отмечалось выше. Перечисленные явления имеют ярко выраженную гедонистическую направленность, что позволяет рассматривать аномию как «комфортное рабство» у общественных и своих собственных пороков. Одной из причин кризиса духовной свободы человека в современном глобализованном мире можно назвать появление общества потребления и массового гедонизма. Эти феномены изучаются в философской науке достаточно давно, и здесь можно вспомнить уже ставшие классическими работы З. Баумана, Ж. Бодрийяра, П. Бьюкенена, Г. Маркузе, А. С. Панарина, Ф. Фукуямы и других учёных.

Например, установка «живи для себя и наслаждайся жизнью», карьеризм, оттеняющий ценность семьи, либерализация сексуальной морали, эгоизм, максимальный комфорт – всё это разрушает семью и брак [2, с. 75]. Стоит ли удивляться, что вслед за первичным институтом семьи подвергается угрозе и вся социальная система. Гедонистический человек лишается внутренней глубины, ему ни к чему гражданские ценности и общее благо. Он становится очень восприимчивым к тоталитарному контролю, но не в духе нацизма/сталинизма, хотя это и не исключено, а в стиле постмодернистского общества потребления. Тоталитарность состоит в навязывании унифицированного поведения и общих желаний (Г. Маркузе), это мягкий, незаметный и комфортный контроль, основанный на следовании модели поведения «стремись к личному благу и будь как все».

Человека, в полной мере согласного с творящимся вокруг безнормием и самого избирающего релятивистские модели поведения, можно назвать аномическим человеком. Это не более чем метафора, не претендующая на концептуализацию. Важно отметить, что такой человек придерживается идеи негативной свободы. Как утверждал И. Бёрлин, негативная свобода означает лишь одно: невмешательство других в дела субъекта, это индивидуальная свобода, возможность распоряжаться собственной личностью. Это «свобода от»: от ограничений, накладываемых обществом, от вмешательства в частную жизнь и т.п. Но эта свобода неполная. «Свобода в этом смысле совместима с определёнными видами принуждения, во всяком случае – с отсутствием самоуправления. Это понимание свободы принципиально ограничивается проблемой границ контроля, но не его источника» [1, с. 135].

Аномический человек не может понять природу позитивной свободы, «свободы для». Это свобода вести какой-то чётко определённый образ жизни – быть последовательным сторонником одной политической партии, придерживаться однозначных религиозных взглядов, вести целенаправленную трудовую деятельность и т.д. «“Позитивный” смысл слова “свобода” проистекает из желания быть хозяином самому себе. Я хочу, чтобы моя жизнь и мои решения зависели от меня, а не от каких бы то ни было внешних сил. Я хочу быть орудием действия, а не подчиняться чужой воле. Я хочу быть субъектом, а не объектом; следовать собственным соображениям и сознательным целям, а не делать что-то под воздействием внешних причин. Я хочу быть кем-то, принимать самостоятельные решения, выбирать направление действия, а не подчиняться силам природы или другим людям, как будто я вещь, животное или раб, неспособный жить по-человечески, то есть определять и осуществлять собственные задачи, собственную стратегию» [Там же, с. 137]. Правда, как отмечает британский философ, именно в позитивной свободе скрывается опасность подмены понятий и раздвоения индивида: опасность замены собственного эмпирического Я на Я идеальное и последующее навязывание индивиду действий в соответствии с ним.

Сформулируем основной **вывод** работы. Аномия связана с умножением духовной несвободы человека как зависимости от гедонистических удовольствий. В обществе начинает господствовать идеал «свободы от», но в самом худшем виде – как полное невмешательство других в жизнь индивида, приводящее к социальной атомизации и распадению коллективных связей. Такое понимание свободы даёт человеку формальное право не участвовать в создании общего блага, а только потреблять его. Слабость внешних санкций приводит к росту девиантного поведения и открывает перспективы распространения аномии в обществе.

Список источников

1. Бёрлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2004. 444 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Левада Ю. А. Сочинения: проблема человека / сост. Т. В. Левада. М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. 526 с.

5. Липсет С. М., Ленц Г. С. Коррупция, культура и рынки // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона; пер. с англ. А. Захарова. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 149-168.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.
7. **Предотвращение самоубийств: глобальный императив** [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru/ (дата обращения: 06.11.2019).
8. Banfield E. C. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1958. 204 p.
9. Foschi R., Lauriola M. Do Amoral Familism and Political Distrust Really Affect North-South Differences in Italy? // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2016. № 6. P. 751-764.
10. Nikolauk E. Youth mortality in European countries: A comparative analysis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.neodemos.info/articoli/youth-mortality-in-european-countries-a-comparative-analysis/> (дата обращения: 10.11.2019).
11. Schwartz S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (дата обращения: 21.09.2019).
12. **World Drug Report 2017. Pre-briefing to the Member States** [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/wdr2017/field/WDR_2017_presentation_launch_version.pdf (дата обращения: 25.12.2019).

On Interrelation of Anomie and Hedonism

Kuz'menkov Vladimir Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
vakuzmenkov@gmail.com

The article draws a parallel between anomie and hedonism. Anomie leads to the individual's spiritual dependence (addiction) and self-destructive behaviour. It is expressed in the cult of sensual pleasures and short life cycles, and therefore peculiarly compensates and replaces lack of value integration of the individual. The analysis of empirical studies on mortality and corruption has allowed the author to describe hedonistic nature of anomie. According to I. Berlin, anomie is negative freedom, which leads to social atomization and destruction of communal ties.

Key words and phrases: anomie; hedonism; spiritual freedom; dependence; corruption; negative and positive freedom; consumer society.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 18.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.26>

Данная работа посвящена сравнительному анализу восприятия феномена варварства китайскими и античными авторами. Донесения китайских дипломатов об образе жизни монголов XIII в., известные под названием «Хэй да ши люэ», сравниваются с аналогичными римскими источниками («Записками о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, «Германией» Публия Корнелия Тацита и «Римской историей» Аммиана Марцеллина). Опираясь на античные и китайские источники, авторы статьи анализируют созданный дальневосточными и римскими классиками образ «варварства», который в источниках получается очень обобщенным и фактически единым как для Китая, так и для Рима (а если смотреть шире, то для любого цивилизованного общества).

Ключевые слова и фразы: варварство; цивилизация; Римская империя; императорский Китай; культурная экспансия.

Сулимов Станислав Игоревич, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный университет
sta-sulimov@ya.ru

Трегубова Динара Дмитриевна, к.и.н.
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва
ddtregubova@gmail.com

Черниговских Игорь Васильевич, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный университет инженерных технологий
igrchernigovskix@rambler.ru

Социально-философские идеи «Хэй да ши люэ»: встреча цивилизации и варварства

В последнюю пару десятилетий многие исследователи и журналисты пишут о стремительной варваризации Западной Европы и Северной Америки, о настоящем нашествии мигрантов, которых нередко сравнивают